

Труж. - 1998. - 8 авг. - с. 5

Алла
КЛЮКА:

ЖИВУ В НЬЮ-ЙОРКЕ, НО ОСТАЮСЬ РОССИЙСКОЙ АКТРИСОЙ

Кажется, капризница Фортуна влюблена в эту молодую, рыжеволосую женщину. Как иначе объяснить ее удивительную судьбу? Девушка из рабочей семьи, она приехала в Москву и сразу поступила в Театральное училище имени Щепкина, что при Малом театре. Ее мастерами стали Юрий и Ольга Соломины. На втором курсе она уже снималась в кино, и первая же роль в фильме "Тело" принесла успех и признание. Потом были другие картины, поездка в Нью-Йорк, где она познакомилась с известным американским изобретателем и вскоре стала его женой. Продолжались съемки в России в главных ролях, были премии на престижных фестивалях. Родился сын, которого назвали редким именем — Кибо. Поистине все вроде бы напоминает сказку о Золушке или по-американски — Сабрине.

— У вас все состоялось: счастливый брак, нормальная, комфортная жизнь, ребенок... Признайтесь, что стало основой вашей редкой удачливости? Везение? Чье-то покровительство? Или умение держать в руках поводы судьбы?

— Да просто у меня легкий характер, дарованный мамой и папой. И постоянный оптимистический настрой, даже когда есть повод для огорчений. И потом с малых лет я очень спокойно относилась к проблеме выбора, которая встает перед каждым человеком.

— Хотите сказать, что покоряетесь обстоятельствам? Предаете себя на волю Провидения? Что-то на вас это непохоже...

— Начнем с того, что я с юмором отношусь к себе. Но без самоуничижения. Если человек слишком серьезен в самооценке, он может ой-ой куда залететь! А потом будет очень больно падать! Вот моя исходная позиция. Я всегда верю, что в конце концов все будет хорошо.

— Допустим, но вот не оправдывается надежда один раз, второй, десятый... А ваша вера так и не угасает?

— Я знаю, что вместо задуманного, желанного ко мне пришло что-то другое. Удача меня не покинула — она просто явилась в ином облике. Я никогда не закидываюсь на чем-то одним. Могу подождать. Могу отступить, если

ничего не выходит. Могу уйти в сторону, когда понимаю, что, допустим, сейчас не мое время, не мой случай.

— Актрисой вы тоже быть не собирались?

— Как раз собиралась. Начала об этом мечтать, по-моему, со второго класса. Занималась в разных кружках, пела, танцевала. Еще писала стихи и рисовала.

— В старших классах не очень мешали романы?

— А у меня не было романов в то время! Была уверена, что никогда не понравлюсь ни одному мальчишке: рыжая, веснушчатая. Хорошо, что так думала — ничто не отвлекало меня от мечты, остальное было на третьем, седьмом и двадцатом плане.

Окончив школу, я сказала маме, что еду в Москву поступать в театральный институт. Мои мама и папа — рабочие Минского автозавода. Мама запротестовала: "Зачем тебе все это? Иди к нам в цех, будет у тебя профессия". — "Да куда ваш цех от меня не денется", — сказала я. — Провалюсь и пойду работать на ваш завод..."

— Была уверенность, что непременно поступите в московский вуз?

— По правде говоря, верила. И меня легко приняли в Щепкинское училище.

— Так понравились будущим педагогам?

— Они увидели во мне в перспективе комедийную актрису. Но, кажется, я подвела своих мастеров, пока все больше играю драматические роли. Только в последнее время что-то забрезжило на комедийном фронте.

— Как первый раз вы попали в Америку?

— Получила диплом и поехала в Нью-Йорк по студенческой визе учиться в школе танцев и совершенствоваться в английском языке.

— Не страшно было так резко менять жизнь?

— Думаю, мое поколение росло и выросло другим, нежели наши предшественники. Юность совпала для нас с началом перестройки. Рушились все запреты, лицемерные "нормы жизни". И мы вбирали в себя новое много проще, чем наши мамы и папы. Я точно знаю: человек должен жить не там, где ему "положено", а там, где ему удобнее, комфортнее. Мне, например, очень хорошо живется в Нью-Йорке. И слава Богу!

— В Нью-Йорке мисс Алла Клюка стала миссис Алла Кени Шефер. Как это произошло?

— Я познакомилась с моим будущим мужем еще во время первой поездки в Америку. Пришла в русский ресторан "Дядя Ваня". Его хозяйка — бывшая московская актриса Театра Ленком Марина Трошина, моя подруга. Марина показала мне на столик в углу и сказала: "Там сидит москвич, он тебя знает". На самом деле он знал не меня, а режиссера Николая Досталь, у которого я снималась в картине "Облако — рай". Это был журналист Анатолий Макаров. Мы начали общаться, позже пришел Кени Шефер, друживший с Макаровым. И мы тогда очень хорошо посидели... Через пару дней Кени позвонил мне и попросил поработать на его компанию: поехать в аэропорт, встретить там русскую делегацию, привезти в отель, показать город, помочь освоиться.

Кени был тесно связан с Россией через свой бизнес. Кроме того, он — талантливый изобре-

татель, создал электромикрофон и электрогитару для современных ансамблей. Путешествовал по Америке с группой "Роллинг Стоунз", с Джими Хендриком. Он сделал последнюю гитару Джону Леннону. Правда, хорошая биография?..

Потом Кени стал частым гостем в Москве и Санкт-Петербурге. Привез в Америку Бориса Гребенщикова, помог ему там записать альбом "Радиомолчание". Мы познакомились, когда Кени стал одним из создателей известной компании "Белком". Все это не было случайностью: родители его матери приехали в Америку из России. Мы обнаружили это в документах его бабушки.

— Почувствовали ли вы во время первой встречи с Кени, что судьба стучится к вам в дверь?

— Честно? Нет... Я же сказала, что не умею предвидеть, предчувствовать.

— Брак с американцем престижен сейчас у россиян...

— Да нет, я об этом совершенно не думала. И все сложилось прекрасно. Но поженились мы не сразу. Я уехала из Нью-Йорка сниматься в картине "Сerp и молот". Работали в Москве, в Осташкове, в Суханове, потом наступил перерыв на две недели. Я решила съездить в Минск, к родителям. Лето, август — нет билетов! Звоню Кени в Нью-Йорк, чтобы поплакаться. Я слышу: "А почему бы тебе не приехать сюда?" В самом деле... Купить билет в Нью-Йорк оказалось гораздо проще, чем в мой родной Минск. Прилетела к нему 16 августа, а 26-го мы поженились.

— Почему у вашего сына такое необычное имя?

— Его отыскал Кени, на старояпонском наречии оно означает "ключ жизни" и очень подходит нашему мальчику. Он живой, резвый, быстрый. В три года уже освоил компьютер.

— Ваши частые поездки в Россию на съемки не осложняют семейную жизнь?

— Кени понимает, что это — моя работа.

— Вы исполнили одну из ролей в картине "Ноктюрн Шопена", где герои не произносят ни одного слова, все решено музыкой, изображением, пластикой. Помогало ли вам в этой работе то, что ваши отец и мать — глухонемые?

— Конечно. Я росла в тесном контакте с моими родителями и их друзьями-глухонемыми. Общение с ними требует дополнительных выразительных средств мимикой, жестом, взглядом, улыбкой. Все должно быть несколько подчеркнуто, акцентировано, чтобы яснее, сильнее прозвучала твоя "речь", обращенная к глухому человеку. В этом смысле домашняя жизнь очень повлияла на меня, на мой актерский почерк.

Кроме того, папа и мама — очень артистичны. Когда мама о чем-нибудь нам, мне и моим старшим сестрам, рассказывала, она всегда показывала тех, о ком "говорит". Очень точно изображала их манеру поведения, какие-то характерные черты. И мы сразу понимали, о ком идет речь. К тому же у мамы отличное чувство юмора, иной раз после ее "рассказа" мы умирали от хохота. У отца есть свой фирменный актерский номер: на Новый год он показывал нам этюд а-ля Чарли Чаплин, играл забавно, тонко. Так что в "Ноктюрне Шопена" мне было легко обходиться без слов.

— Американские режиссеры никогда не приглашали вас сниматься?

— Нет. Мне вообще думается, что нашим артистам не стоит с излишним оптимизмом относиться

к перспективе работы в американском кино. Особенно если иметь в виду серьезные роли, а не те случаи, когда российские актеры используются в качестве дешевой рабочей силы. Я — не наивный человек, слава Богу, и хорошо понимаю, что в ближайшее время вряд ли что-то переломится в моих отношениях с американским кинематографом. Все-гда помню, что там восемьдесят процентов безработных актеров. В ожидании ролей они зарабатывают на жизнь официантами, уборщиками, таксистами, нянками. И ждут, ждут... Кому-то счастье улыбнется, а чаще — нет.

— У вас есть любимые артисты?

— Это в первую очередь гениальная Фаина Раневская. В Америке — Вупи Голдберг и Сюзен Сарандон. Обычно они играют сильных, неординарных женщин, способных ярко проявить себя в жизни, в любви. У Вупи подкупает еще и потрясающее чувство юмора.

— Когда вы говорите о российских проблемах, фильмах, все время повторяете: "мы", "нам", "у нас"...

— Моя карьера в кино пока удачно складывается именно в России, я все время получаю предложения от режиссеров из Москвы, Санкт-Петербурга, тифу, тифу, не сглазить... Я сажусь в самолет. Ночь — и я в России. Сегодня расстояние в несколько тысяч километров — это мелочь. И мне ничто не мешает оставаться российской артисткой. Я лечу сюда на работу.

Беседовала Эльга
ЛЫНДИНА.